изложением борисоглебских торжеств 1 и 2 мая 1115 г., нельзя делать вывода о лицевом Житии Бориса и Глеба в утерянной первоначальной редакции начала XII в. Анализ иконографического и рукописного наследия не дает к этому достаточных оснований. Нельзя, конечно, исключить возможность того, что в лицевом проторигинале текст и миниатюры завершались событиями 1072 г. и редактор лицевого протографа Сильвестровского и Уваровского списков решил продолжить его иллюминирование; однако мастеру-миниатюристу не хватило творческого воображения, чтобы заполнить оставленные для этой цели свободные листы.[80] Но и принятие этой точки зрения оставляет открытым вопрос: отражал ли этот лицевой первооригинал первичную или вторичную редакцию анонимного Сказания? Рукописи не подтверждают этого.[81] Из анализа содержания анонимного Сказания не следует также, что первоначальная редакция завершается описанием торжества 20 мая 1072 г.[82]

---

[80] Иллюстрированию текста до конца могли помешать внешние обстоятельства. Такой вывод подсказывает судьба тверской рукописи Хроники Георгия Амартола, где оставлены пустые места для миниатюр и часть их недоделана. См.: О. И. Подобедова. Миниатюры..., стр. 12, 36, 44—46.

[81] Кроме изложенного выше, автором учтены результаты археографического изучения рукописей произведений о Борисе и Глебе С. А. Бугославским.

[82] Вопросы сложения и хронологии анонимного Сказания в его составных частях рассмотрены подробно автором в исследовании «Предание о Борисе и Глебе в древнерусской письменности XI—начала XII в.» (рукопись на польском языке). Изложение итогов исследования на русском языке см. в публикации резюме докладов на V Международном конгрессе славистов в Софии в 1963 г. (в печати).